

Н. Г. Юзефович

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, Россия
ORCID ID: 0000-0002-5271-0069

 E-mail: yuzefovich_2005@mail.ru.

Вербальный портрет 2019 года через призму года 2020-го

АННОТАЦИЯ. В статье в социолингвистическом аспекте анализируются социальные предпосылки номинаций, получивших статус «слово года», их аксиологические характеристики, реализуемые в дискурсе; выявляется изменение социального контекста, что влияет на языковое сознание. Задача описания номинаций 2019 года через призму 2020 года дает возможность определить, насколько значимы и актуальны феномены, которые они репрезентируют в обществе сегодня. Несмотря на то, что проекты «Слово года» номинируют лексемы, значимые именно в данном году, их истинная значимость становится очевидной только на расстоянии; это важная характеристика, которая помогает увидеть истинную актуальность слова. Исследование номинаций в контексте социальной ситуации 2020 года позволяет выявить, насколько значимы данные лексические единицы в социальной среде, что, в свою очередь, указывает на вариативность языкового сознания, картины мира. Материалом исследования являются результаты проектов «Слово года — 2019» и «Word of the Year 2019»; для проведения семантического анализа привлекаются толковые моноязычные словари. Для выявления ценностных характеристик проведен контекстный анализ функционирования номинаций в дискурсе на материале разных жанров, в том числе полимодальных, распространяемых в Интернете (социальные сети: блогеры, «Ютьюб», чаты), а также опросы информантов. В результате сопоставительного анализа русскоязычных и англоязычных номинаций по параметрам «социальная значимость», «ценностные характеристики» и «частотность» выявлено, насколько номинации резонансных феноменов одной лингвокультуры актуальны в контексте другой; выделены общие, в определенной степени объединяющие лингвокультуры социальные проблемы, что необходимо для эффективного межкультурного общения. На основе анализа вариативности номинаций в трансформирующемся контексте предпринимается попытка языковой прогностики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальный контекст; языковое сознание; социолингвистика; языковые номинации; лексемы; лексические единицы; слово года; новые слова; политический дискурс.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Юзефович Наталья Григорьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов; 192238, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15; e-mail: yuzefovich_2005@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Юзефович, Н. Г. Вербальный портрет 2019 года через призму года 2020-го / Н. Г. Юзефович // Политическая лингвистика. — 2020. — № 5 (83). — С. 40-47. — DOI 10.26170/pl20-05-04.

Интерес к исследованию заявленной темы объясняется, во-первых, тем, что традиция выбора наиболее значимого слова года позволяет понять «дух» данного периода в родном лингвокультурном контексте, поэтому проект «Слово года» популярен во многих странах, в России проводится с 2007 г. Истоки этой традиции — в Германии, где в 1971 г. по инициативе Общества немецкого языка была проведена первая акция «Wort des Jahres».

Во-вторых, сопоставление в одном временном срезе слов года русского языка со словом года другого языка, в данном случае английского, позволяет выявить точки соприкосновения или расхождения контактирующих культур при осмыслении реальности, что, несомненно, способствует эффективности межкультурного общения.

В-третьих, глубина значимости номинаций 2019 г. наиболее отчетливо проявляется на расстоянии, поэтому изучение основных результатов проекта прошлого года через призму 2020 г. позволяет выявить тенденции изменения языкового сознания и социального контекста.

Необходимо напомнить, что номинацией проекта может быть любое значимое слово, причем не обязательно новообразование, приоритет отдается не «новизне», а популярности и реальной значимости, которой номинируемая лексема отличалась в указанный период. «Слова и выражения, которые выдвигаются на конкурс, не обязательно возникают именно в данном году, но они должны отражать его специфику, воплощать его дух, очерчивать движение времени» [Эпштейн 2019].

Процедура определения слова года русского языка включает несколько этапов на основе ряда параметров, основными из которых являются частотность и дискурсивная актуальность, иначе говоря, социальная востребованность (выявляется количеством употреблений в письменных текстах разных регистров и опросом информантов), что соответствует методике социокогнитивного анализа. Основные этапы включают:

1) выявление на основе параметра частотности наиболее знаковых, актуальных в жизни общества и в дискурсе данного периода

событий, феноменов и пр., как внутри страны, так и за ее пределами;

2) определение частотности каждой номинации в материале разных жанров, регистров и ситуациях;

3) сопоставление полученных данных по текущему периоду с показателями частотности номинации в предыдущий период: как правило, мониторинг включает три предыдущих года, что позволяет более достоверно выделить наиболее значимые единицы;

4) опрос, интервьюирование с целью выявления мнения информантов разных социальных и возрастных групп, а также экспертов.

Важной спецификой проекта является активная роль личности эксперта, непосредственного участника процесса выбора слова, что дает подчас основания для критики проекта как отличающегося субъективностью. Следует подчеркнуть, что, как следует из основных положений когнитивной социолингвистики, разработанной в монографии *A Framework for Cognitive Sociolinguistics*, говорящий/слушающий выступает не только как объект коммуникации, но и как активный деятель, что особенно важно. Все, что отражено в дискурсе (культура, картина мира и пр.), варьируется в процессе когнитивного осмысления и/или переосмысления в зависимости от индивидуального опыта, социальной ситуации и пр. [Moreno-Fernández 2016]. Практически любое научное исследование определяется человеком — выбор эмпирического материала, разработка теоретической основы и пр. в соответствии с заявленной целью, при этом сочетание разных методов анализа, многоступенчатая методика анализа, в том числе опрос информантов, способствуют верификации выводов.

Проект «Слово года» для русского языка организуется Экспертным советом, которым руководит филолог и культуролог Михаил Эпштейн, члены Совета — лингвисты, журналисты, культурологи, философы, писатели. Модератор групп «Слово года» и «Неологизм года» на «Фейсбуке» — писатель Елена Черникова. Особенностью данного проекта является то, что выделяются также номинации следующих рубрик: «Выражение», «Антиязык», «Протологизм года». Именно эти рубрики отражают разнообразные социальные настроения общества и, что очень важно, характерны для разных социальных контекстов и, предположительно, для разных социальных и возрастных групп.

«Антиязык», иначе говоря, язык агрессии и пропаганды, включает штампы, бюрократизмы: «Понял о том, что...; сообщил о том, что...; знаю о том, что...», «конструкция с лишним указательным словом», т. е. все те единицы, которые традиционно называют канцеляризмами.

«Протологизм года» объединяет новые слова, созданные конкретным автором, с указанием имени автора: «Фейсдельничать: Бездельничать, сидя в фейсбуке. Профейсдельничал целый день, фейсдельник». Данная форма языковой игры очень популярна и в англоязычном дискурсе, по сути, это окказионализмы, которые при частотном употреблении в разнообразных контекстах могут и закрепиться в языке.

По утверждению Михаила Осадчего, руководителя проекта «Слово года» в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина, в 2019 г. «первое место занимает слово „пожар“, за ним идет „протест“. Всплеск частотности слова „пожар“ обусловлен двумя событиями — это пожар в Соборе Парижской Богоматери и пожары в Сибири. Частотность слова „протест“ также подпитывалась вниманием сразу к нескольким событиям — протестам в Париже, Гонконге, Москве» [URL: <https://tass.ru>].

Выборка «конкурсантов» включала порядка 100 лексических единиц, номинирующих резонансные темы, актуальные в России 2019 г., которые репрезентируют события не только внутри страны: *пенсионная реформа, смена власти (Казахстан), крушение самолета Boeing 737 MAX авиакомпании Ethiopian Airlines, зимняя Универсиада в Красноярске, смена власти на Украине, крушение самолета SCJ 100 в Шереметьево, выборы в Московскую городскую думу, закон о «суверенном интернете».*

Важным качеством процесса выбора слова-победителя является мониторинг лексических единиц, номинируемых в предыдущий год, но не получивших призового места. Так, при сопоставлении частотности слова «пожар» в 2019 г. с тремя предыдущими годами стало очевидно, что его употребление в 2019 г. увеличилось в пять раз, а слова «протест» — в три раза.

Интересным и важным фактом является учет со стороны экспертов мнений участников групп в социальных сетях, что, несомненно, стало показателем не только изменения социального контекста, но и высокой роли медиа, в отличие от федеральных телеканалов, в воздействии на человека. В лингвистическом смысле, как представляется, мы можем говорить о том, что наблюдается определенное стирание границ между языком и речью, переплетение разных регистров, как четко видно при анализе текстов разного рода в социальной сети. Тот факт, что письменная речь становится более разговорной, свидетельствует о постепенном росте вариативности традиционной нормы.

Прежде чем выявить релевантность номинаций проекта-2019 «протест» и «пожар»

в контексте 2020 г., рассмотрим, какие аксиологические и ассоциативные характеристики данных единиц выявлялись при их функционировании в русском языке в предыдущем периоде.

При определении слова года русского языка в 2019 г. по частотности были выделены слова «пожар» и «протест», номинирующие резонансные события как внутри страны, так и за ее пределами: пожары в России и пожар во Франции, в частности, охвативший собор Парижской Богоматери, который воспринимается многими как наследие мировой культуры. Пожары — это всегда экологическая катастрофа, выбор этого слова соотносится с экологическими номинациями, которые номинированы в англоязычном проекте. К сожалению, количество пожаров в жилых домах, в детских лагерях, в больницах ужасает; ежегодно горят леса, гибнут люди, животные, в пожарах гибнут культурно-исторические ценности, памятники зодчества. Такое количество пожаров говорит о серьезных проблемах в стране, при этом, однако, они зачастую мало освещаются: возможно, это говорит о желании власти скрыть проблему, а возможно, они отходят на задний план под воздействием других резонансных событий.

Как показало данное исследование, значительная роль в привлечении внимания человека к какому-либо событию принадлежит медиа, журналистам и блогерам, а также официальным СМИ; каждый источник выделяет то, что считает нужным: как правило, указывается, где, когда что-либо произошло, есть ли жертвы, но причины таких экологических катастроф практически не анализируются. Естественно, пожар всегда ассоциируется с трагедией, катастрофой, номинация «пожар» насыщена негативом; лесные пожары ассоциируются, как правило, с лесами Сибири и Дальнего Востока; пожары в жилых домах и летних лагерях, несомненно, возникают вследствие игнорирования правил безопасности, желания сэкономить на материале для строительства и пр. (человеческий фактор!). Аналогичные ассоциации характерны и для номинации *fire* в англоязычном дискурсе. Так и формируется наше языковое сознание: человек часто ощущает себя бессильным при столкновении с огнем, с пожаром, а правительство должных мер не принимает.

Особый интерес для социолингвистического исследования представляет слово года — 2019 «протест», который Словарь русского языка толкует, совершенно правильно, как «решительное возражение против чего-л., заявление о несогласии с чем-л., о нежелании чего-л.» [Словарь русского языка 1999

www], но формы протеста в Словаре не отражены, аксиологические характеристики выявляются в коммуникации.

В русскоязычном дискурсе номинация «протест» имплицитно, во-первых, феномен «выборы»: среди резонансных событий 2019 г. выделяются «протестные выборы», что неоднократно описывали не только в социальных сетях, но и в СМИ. Словосочетание «протестные выборы», на первый взгляд, сложно объяснить логически: традиционно протестом на выборах называют неявку на выборы или испорченные бюллетени; хотя такая форма протеста, как явка с целью голосования «за» (неудобного кандидата), существует, но для России долгое время не была свойственна.

О протестных выборах много говорили в 2013 г., когда оппозиционный кандидат Евгений Ройзман, невзирая на давление Кремля, был избран мэром Екатеринбурга. С новой силой выражение «протестные выборы» зазвучало в 2018 г.: партия «Единая Россия» проиграла в Хабаровском крае (губернатором стал Сергей Фургал) и в Якутске (мэром избрана Сардана Авксентьева, «Партия возрождения России»). Заметим, что очень ярким примером протестных выборов были выборы Президента США в 2016 г.: многие американцы голосовали не «за Дональда Трампа», а «против Хиллари Клинтон».

В 2019 г., в основном в Москве, Санкт-Петербурге и Екатеринбурге, а также ряде других городов прокатились волны гражданских протестов: «за честные выборы», «за независимых кандидатов», «за освобождение политзаключенных»; в протесты включились женщины: «марш гнева» или «марш матерей» в поддержку политзаключенных, а также группы «Новое величие». Все названные примеры актуализации номинации «протест» в дискурсе однозначно носят политический характер: конфликт между властью и обществом, власть такие протесты не одобряет.

В 2019 г. активизировались и экологические протесты, так называемые антимусорные, которые также отличаются политизированностью, отражают обострение конфликта общества с властью. Вновь центром протестных настроений стал Екатеринбург, столица «зеленого протеста». Город запустил также «волну протестов против храмов и застройки по всей России», ее подхватили Новосибирск, Челябинск, Ульяновск, Подмоскowie, Улан-Удэ, Санкт-Петербург, Томск, Оренбург, Пермь. Важно то, что это были протесты не только «против», но и «за» — за то, чтобы власти стали прислушиваться к мнению общественности, иначе они провоцируют конфликт. Ряд массовых акций был успешен, но протестую-

щих разгоняли, подчас жестко, просто «кричалками» успеха не добился никто. Жителям удалось победить: уличные акции протеста отличались конкретными задачами, и они принесли результат, власть вынуждена была прислушаться к мнению общественности. Важно то, что данный протест был не столько против давления церкви, сколько против власти, которая 1) принимает решение, не учитывая мнение общественности, и 2) усиленно навязывает обществу православие как одну из основных ценностей.

Осмысление слова «протест» в социальных контекстах его функционирования позволяет выделить целый ряд протестных ситуаций, которые сопровождалась насильем того или иного рода: именно такой мотив выявили эксперты при установлении слова 2019 г. В протестных акциях формировался и протестный лексикон, в частности, лозунги и выражения «допускай (к выборам)»; «отпускай (выпускай)»; «допускай и выпускай»; «московское дело»; «мусорные бунты»; «молодёжные протесты» и ряд других. Перечисленные лозунги, с одной стороны, отражают политические, экологические и социальные проблемы, которые и провоцируют протесты, что говорит о социальной нестабильности и отсутствии доверия общества к власти. С другой стороны — пожалуй, самое главное, мы видим изменение языкового сознания, значит, ментальности общества; среди участников протеста немало людей пожилого возраста, которые также получают информацию в мессенджерах и пр., большая часть представлена поколением 30—20-летних, а это абсолютно другое поколение: они росли и формировались в онлайн-эпоху, информацию получают онлайн, а не по «зомбоящику», поэтому акции протеста подчас оказываются для власти неожиданными, непредсказуемыми.

В контексте 2020 г. номинация «протест» «зазвучала» с новой силой, причем в совершенно неожиданном регионе, протестный образ которого сейчас во многом идеализируется рядом независимых каналов и блогеров, хотя такое мнение разделяют далеко не все хабаровчане, равно как и жители других мест (судя по обсуждениям в чатах). Позволю себе высказать свою точку зрения, как коренная хабаровчанка; сразу подчеркну, я сужу по прямому эфиру с места событий, участвовать там никому не рекомендую (камеры наблюдения!). К сожалению, приходится признать, что участники этих акций не выражают четко, что они требуют (об этом неоднократно говорили и писали политологи, юристы, в том числе и местные), каждый день появляются новые лозунги; митингую-

щие все силы отдают кричалкам, опыт акций других городов не желают учитывать.

Хабаровск большую часть XX в. и почти два десятилетия XXI отличался крайней инертностью, возможно вследствие удаленности от других регионов; тяжелые условия жизни многим не нравятся, и люди, по возможности, уезжают. Исторически Дальний Восток был местом ссылки (мой прадедушка был сослан на Сахалин в XIX в., потом переехал в Хабаровск, затем в Белгород, как и многие другие). Хабаровск, основанный как военный пост для защиты границы с Китаем (Договор 1858 г.), — это город военных и чиновников, но не бунтовщиков. Протесты в Екатеринбурге и других городах здесь практически не поддерживались, даже локальные проблемы: изменение границы «по фарватеру», вследствие чего Китай стал еще ближе к Хабаровску, передача части земли Китаю и вынужденное переселение людей из домов, которые деды строили; передача земли китайским фермерам в долгосрочную аренду — никаких бурных протестов не вызвали. Противостоять пыталась небольшая группа людей, в основном те, кого это лично касалось. Потомки ссыльных революционеров в большинстве своем давно переехали в другие регионы, отток населения очень большой; при этом регион становится более многонациональным.

Массовый «взрыв» недовольства 11 июля вряд ли можно было предвидеть, это действительно был стихийный порыв за Фургала, при этом четкие требования не были сформулированы, а попытки тех, кто пытался в своих выступлениях объяснить, что нарушены статьи закона, необходимо подавать петиции, собирать подписи, подчас заглашались кричалками. Спецификой протеста в данном случае можно считать действительно мирный процесс: первые две недели стояли автозаки, ОМОН, а сейчас только полиция; однако нет никакого результата, что признают и некоторые участники протеста. Основные митинги проходят по выходным: митингующие стоят перед Домом правительства и кричат — только вот кому? Охране? Создается впечатление, что эти акции серьезно не воспринимают и местные власти. Людей задерживают по одному — следуют суд, штраф, арест от 3 до 10 дней, сбор денег «всем миром» на штраф. Создается впечатление, что митинг стал какой-то тусовкой — здесь все свои, могут и ругаться на «чужих» и «provokatorov», просят полицию проверить паспорта, жителей других регионов, которые предлагают толковые вещи, не желают слушать: «У себя дома высказывайтесь».

Многие серьезно думают, что кричалки их услышат, приедет кто-либо из правительства и лично к ним выйдет, при этом отклики на обращение сестры Фургала (канал «Дебаты Хакасии» и местные блогеры) о сборе денег на адвоката (счета и имущество семьи арестованы) на митингах не звучат (?!). Поскольку никаких обращений от жителей края к Правительству с просьбой назначить врио губернатора — дальневосточника не было, от имени жителей выступал В. Жириновский, что вызвало бурю возмущений. Там действительно нет организатора, стихийно появляются активисты с рупором, за которыми некоторые маршируют.

Такая массовая длительная поддержка арестованного губернатора, по мнению участников митингов, ему помогает, однако позволю заметить, что власти высказывали ему претензии, когда рейтинг Фургала в регионе стал выше рейтинга Путина. Можно предположить, что ограничение его прав в «Лефортово» (не передают письма, отказывают в свиданиях), которое очень давит морально, обусловлено именно массовостью акций.

Многие жители центрального района не радуются ежедневному гудению машин по вечерам и кричалкам, жалуются на шум в мэрию — это факт. Для думающих людей шоком стала организация одной из активных бабушек интервью с криминальным авторитетом номер 1 1990-х, который два с половиной часа онлайн говорил о своих заслугах перед краем, кто и что в криминале курировал и сообщил, что он точно знает: «Фургал никого не убивал!» Показания криминального авторитета как свидетеля защиты вряд ли помогут Фургалу, а созданию имиджа Хабаровска как города криминала это интервью поспособствовало.

Нельзя не учитывать, что персона Сергея Фургала неоднозначна; мною был проведен небольшой опрос жителей города, они отвечали так: «он сделал очень много», но «мы не можем категорично заявить, что невиновен», «мы его поддерживаем, на митинг не пойдем». Естественно, что голосовал за него не весь город, есть и чиновники, которые были отстранены от должности, и пр. К сожалению, в Хабаровске в свете идеализации их акций в СМИ формируются амбиции, даже своего рода мания величия: например, озвучивается, будто «акции в Белоруссии стали проводиться под влиянием Хабаровска», что «мы разбудили другие города». Это тоже фактор изменения языкового сознания — формируются протестные амбиции; несколько дней призывают к забастовке, но в городе не так много промышленных предприятий. В Белоруссии есть фонд

поддержки, поступают средства от белорусских диаспор, а в Хабаровске жизнь очень дорогая, даже для работающих. В то же самое время закрепляются провинциальные стереотипы о том, что в Москве жизнь очень спокойная, они у нас все забирают и мы «за них отдуваемся». О том, какие акции проходят в Москве и Санкт-Петербурге, как жестко их разгоняют, участники знать не желают.

Стихийность общественного мнения подтверждается его нестабильностью: как только возникает новое резонансное событие, может измениться восприятие другого. Так, многие россияне сейчас больше с болью и ужасом сопереживают Белоруссии, Хабаровск отошел на задний план. Новое резонансное дело — странная болезнь Навального — повлияло даже на тех, кто не относится к нему с симпатией (акции «Леша, живи!»). Такая стихийность, несомненно, влияет и на языковое сознание — новые характеристики, ассоциативные связи формируются непрерывно.

Посмотрим на цифры: по данным «Левада-центра», в двадцатых числах июля о митингах в Хабаровске знали 83 % опрошенных россиян; из них относились положительно 45 %, 26 % — нейтрально, 17 % — отрицательно и 11 % затруднились с ответом. По опросу «Радио „Свобода“» 21 августа 2020 г. о том, какое из событий наиболее важное — ситуация в Белоруссии, Хабаровске или с Навальным — результаты следующие: 23 % — Белоруссия, 6 % — Хабаровск и 58 % — самочувствие Навального. Интересно, что некоторые хабаровчане высказали недоумение: как так, «события в Хабаровске и Белоруссии равнозначны», будто бы ходить с кричалками означает то же самое, что быть избитым в изоляторе на Окрестина. К сожалению, мстечковость сознания не меняется.

Скоро осень, и митинги, которые постоянно рдеют, интенсивность потеряют: студентов будут исключать из университета (проверенная практика), некоторым уже отказывают в общежитии, ряд предприятий потребовал от сотрудников письменно подтвердить, что в митингах они участвовать не будут. Да, в Хабаровске протестующих разгоняют мирно: руки не заламывают, в автозак не заталкивают, но есть меры административного воздействия, которые, думается, более эффективны в данном случае.

Насколько резонансными хабаровские акции станут для истории? Вернемся к протестам в Екатеринбурге: многие ли о них сейчас помнят, помнят о «столице зеленых протестов»? А в 2019 г. «протесты в Екатеринбурге стали беспрецедентными по интенсивности освещения темы. ...по остроте полемики и интенсивности освещения темы

в СМИ, на этот конфликт приходится более 58 % от общего числа публикаций о протестах против строительства церквей» [Демин 2019].

В настоящем периоде феномен «протест», по сути, стал формой, которую народ использует для решения конфликта с властью. Соответственно, номинация «протест» приобретает и позитивные аксиологические качества в дискурсе, в сознании общественности протест является эффективным средством воздействия на власть. Другие формы или неизвестны, или неинтересны. Конфликт «власть — народ» проявляется в разных регионах страны, очень зримо, объединяя разные социальные и возрастные группы людей, однако далеко не все акции протеста результативны, нередко агрессивно подавляются. Тем не менее считаю необходимым сказать, что, во-первых, поскольку акции не прекращаются, это позволяет верить в то, что позитивные результаты достижимы, но требуют времени, а во-вторых, такие массовые акции рано или поздно заставят власть считаться с мнением народа.

Номинация феномена «протест» гендерно не маркирована, но в России, а сейчас и в Белоруссии формируются женские политические акции протеста; это не означает, что участвовать в них могут только женщины. Первый массовый марш женщин состоялся в США 21 января 2017 г. — это была акция против сексизма, расизма и пр., участие в которой принимали и мужчины. Акция охватила почти все штаты США, присоединились и многие другие страны. Сегодня это уже движение, а не просто разовая акция: *Women's march. Join the movement. We're mobilizing. We're marching. We're making history.*

Мы видим новые формы протеста — «женские марши», «Марш матерей», при этом актуализируются позитивные смыслы: «Мы против насилия, против политических репрессий». Гендерно маркированное название несет эмотивные коннотации: *Марш матерей*, при этом в нем принимают участие все, приходят и семьями. Поражает мужество белорусских женщин, которые, несмотря на издевательства, на то, что не все дети вернулись домой, выходят на улицу в цели солидарности: женщины в белом, с цветами, артисты филармонии поддерживают участников исполнением белорусских песен. Как повлияли такие эмотивные формы протеста на ситуацию в стране, сказать сложно. Возможно, они повлияли на решение уволиться: некоторые сотрудники милиции написали рапорт, потому что участвовать в зверствах не могли, нарушать приказ тоже, при этом на них подействовало появление на улицах женщин с цветами и призы-

вами: «Мы против насилия». Так появилась новая форма мирного протеста.

Лингвистические особенности протестов в России отражают взаимосвязь протестов, например, мем, созданный в поддержку журналиста «Я/МЫ ГОЛУНОВ», трансформирован в «Я/МЫ ФУРГАЛ». Появляются новые лозунги: «Уходи!», «(название города) Выходи!», в Белоруссии: «Остановите, Саша хочет выйти!». Новые смыслы актуализирует фраза «Покормите голубей»: голубь ассоциируется в христианстве со Святым Духом, существует и поверье, что тот, кто кормит голубей, искупает грехи. Не уверена, что об этом думали в Хабаровске, когда стали приглашать людей на площадь Ленина кормить голубей; там действительно много голубей и дети любят их кормить, как везде в России. В связи с протестами фраза приобрела политические смыслы: *приходите на митинг!* Она стала популярна во многих городах; боюсь, что при развитии протестного движения она может стать маркером экстремизма.

Обратимся к английскому языку, который в данном случае не привязан к какой-либо конкретной стране и может быть понят по всему миру: слово года английского языка определяют такие уважаемые словари, как *Collins English Dictionary*, *Oxford Dictionary*, *Merriam-Webster* и ряд других. Задача унификации «слова года» при этом не ставится, интересно сопоставить, по каким параметрам выявляется слово года в разных источниках, какие события являются наиболее культурно значимыми; на сайтах данных словарей представлены также мнения людей разных профессий.

По данным словаря *Collins*, словом 2019 года является выражение *climate strike* [*Collins English Dictionary*] (буквально, «климатическая забастовка»). Номинации *strike* (*no work is done because of disagreement*) и *протест* достаточно близки по смыслу: выражают несогласие, недовольство, как правило, руководством и пр. Слово русского языка контекстуально связано с внутренними событиями (социальными и политическими), *climate strike* значим и в контексте практически всего населения земного шара: экологические проблемы затрагивают всех.

Oxford Dictionary выделил номинацию *climate emergency*, которая описывает проблемы климата, обусловленные тем, что правительства и большой бизнес нередко игнорируют необходимость защиты природы (глобальное потепление и пр.). Последствия *climate emergency* и провоцируют *climate strike*.

Онлайн-словарь номинировал слово *existential* и его производное *existentialism*:

“existential: 1. of or relating to existence. 2. of, relating to, or characteristic of philosophi-

cal existentialism; concerned with the nature of human existence as determined by the individual's freely made choices.”

“existentialism: a philosophical movement that stresses the individual's unique position as a self-determining agent responsible for making meaningful, authentic choices in a universe seen as purposeless or irrational” [On-line Dictionary].

Этот выбор подтверждается многочисленными высказываниями из разных источников в разнообразных контекстах, которые связывают эту лексику со многими социально значимыми ситуациями.

Например, *existential crisis* (1. human life: “What is my purpose in life?”; 2. Brexit); *existential demonstrations* about the future of the territory (Hong Kong protests). “Like many who watched (Notre Dame fire), I felt the existential pang of history being eviscerated before my eyes” [Stuart Richardson // USA Today. April 16, 2019].

Следует подчеркнуть роль американских политиков в популяризации слова *existential*, которое они нередко использовали, говоря о наиболее значимых проблемах современности: *existential climate change* (изменение климата), *existential gun violence* (насилие) и пр.

Номинации года, выделяемые словарем *Merriam-Webster*, отражают другие проблемы западного мира, которые официально отечественному дискурсу чужды: словарь номинирует гендерно нейтральную лексику, так называемые *nonbinary*-слова, отражающие современные направления лексикографии, перед которой стоит задача номинировать разнообразные гендерные идентичности, что, в свою очередь, предопределено злободневностью данных проблем в социальном контексте.

Самым значимым достижением, по данным *Merriam-Webster*, является «узаконенный» нормативный стандарт местоимения *they*, который используют в качестве гендерно нейтрального личного местоимения единственного числа [Merriam-Webster Dictionary]; такой результат является явным доказательством воздействия общественности, которая желает быть услышанной.

Как следует из вышеизложенного, и в отечественном, и в англоязычном обществе наблюдаются процессы социальной активности — в этом выявляются точки соприкосновения. Проблемы гендерной нейтральности в нашем обществе на данной стадии широко обсуждать не принято, соответственно не ставится и задача формирования гендерно нейтральной лексики; представляется затруднительным и перевод таких слов с английского языка на русский.

Наблюдение над социальной активностью в нашей стране и за рубежом, общение с информантами, в том числе в чатах, по-

зволяет в некоторой степени прогнозировать возможность номинации того или иного слова (естественно, что точный прогноз сделать никто не может). Так, весной, в период карантина и ужасающей статистики по пандемии, звучало немало предположений, что словом года наверняка станет «коронавирус». Эту версию я обсуждала со студентами, мы привлекли публикации многих сайтов, комментарии подписчиков «Quora», и предположили, что скорее это будет не название вируса, а социальные последствия: самоизоляция, дистанция и пр., *shelter-in-place*, *social distancing*, etc. Интересно отметить, что слово *coronavirus* зарегистрировано в самом большом академическом словаре в 2008 г., неологизмом этого года является разновидность вируса *COVID-19*.

Судя по активизации протестов разного рода, вызванных разными причинами, возможно, будет номинирована протестная лексика: мем «Я/Мы...», «кормить голубей» (если это выражение не посчитают призывом к экстремизму).

В англоязычном дискурсе выделяется номинация *protests*, имплицитная политические акции, основным спусковым крючком которых в США стала смерть Джорджа Флойда при его задержании полицией. Неослабевающие в последние годы антирасистские движения еще больше усилились и привели к массовым беспорядкам. Лозунг *Black Lives Matter* перерос в гражданское движение, участники которого — люди разных этнических групп, мужчины, женщины и все, кто против насилия и ограничения прав и свобод. Если беспорядки в США не утихнут, возможно, среди номинантов 2020 г. в проекте «Слово года» выделят *George Floyd protests*.

Обобщая, следует подчеркнуть, что номинации проектов «Слово года» помогают узнать лучше как свою лингвокультуру, так и другие лингвокультуры. Мы видим, что многие резонансные социальные процессы идентичны в современных странах: усиливается конфликт между властью и обществом, возрастает социальная активность разных групп людей, экологические катастрофы увеличиваются, за ними нередко стоит бизнес. Общество все больше осознает свою ответственность за свою страну, благополучие своих детей, понимая при этом, что власть так просто от своих интересов не откажется. Рост протестного движения показывает власти, что общество существует и имеет свою позицию, с которой власть должна считаться. Необходимо отметить и то, что обилие социальных сетей, сайтов и прочего не означает объективной информации: очень сложно выявить суть и отделить ее от желания журналиста или блогера

пропиариться в ущерб фактам, при этом личное мнение нередко преподносится как факт. Лексические формы описания резонансных феноменов постоянно варьируются в новых социальных контекстах, отражая трансформацию языкового сознания, что необходимо учитывать и политикам, и журналистам, и преподавателям, и всем, кто занимает активную жизненную позицию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демин, С. Протест против храма в Екатеринбурге стал самым «громким» за последние пять лет / С. Демин. — Текст : электронный // URA.ru : информационное агентство. — 2019. — 22 мая. — URL: <https://ura.news/news/1052384971> (дата обращения: 15.01.2020).

2. Осадчий, М. Слово года 2019 / М. Осадчий. — Текст : электронный // ТАСС : информационное агентство. — URL: <https://tass.ru> (дата обращения: 21.05.2020).

3. Эпштейн, М. Слово года 2019. Итоги / М. Эпштейн. — Текст : электронный // Сноб. — 2019. — URL: <https://snob.ru/profile/27356/blog/162528/> (дата обращения: 10.02.2020).

4. Moreno-Fernández, F. A Framework for Cognitive Sociolinguistic / F. Moreno-Fernández. — New York : Routledge, 2016. — 254 p. — Text : unmediated.

5. Канал Радио Свобода // YouTube : сайт. — URL: <http://bit.ly/2vQLCnh>. — Текст. Видео : электронные.

СЛОВАРИ

6. Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : Рус. яз., 1999. — URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc-16/> (дата обращения: 10.04.2020). — Текст : электронный.

7. Collins Dictionary. — URL: <http://www.collinsdictionary.com/> (date of access: 11.02.2020). — Text : electronic.

8. Merriam-Webster Dictionary. — URL: <https://www.merriam-webster.com/> (date of access: 20.02.2020). — Text : electronic.

9. On-line Dictionary. — URL: <http://dictionary.com/> (date of access: 10.02.2020). — Text : electronic.

N. G. Iuzefovich

Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, Saint-Petersburg, Russia

ORCID ID: 0000-0002-5271-0069

 E-mail: yuzefovich_2005@mail.r.

A Verbal Portrait of 2019 Through the Lens of 2020

ABSTRACT. *The article conducts a sociolinguistic analysis of social prerequisites of the lexical units nominated as “Words of the Year 2019” and their axiological characteristics realized in discourse and explores the change of the social context, which influences the linguistic consciousness. The task to describe 2019 nominations through the lens of 2020 makes it possible to discover the significance and urgency of the phenomena they represent in society today. In spite of the fact that the “Words of the Year” projects nominates lexemes of the current year, their real significance becomes salient only at a distance. It is an important characteristic that allows seeing the real urgency of a word. The study of the nominations in the context of the social situation of 2020 makes it possible to reveal the significance of the given lexemes in the social environment, which, in its turn, testifies to the variability of the linguistic consciousness and the worldview. The research material includes the results of the “Words of the Year 2019” and “Words of the Year 2020” projects. Explanatory monolingual dictionaries are used for the conduct of semantic analysis. To reveal the axiological characteristics, the author has carried out a contextual analysis of the nominations functioning in discourse on the material of different genres, including polymodal ones, published over the Internet (on social networking websites: blogs, YouTube, chats) and organized questionnaires of informants. The comparative analysis of Russian- and English-language nominations on the parameters “social significance”, “axiological characteristics” and “frequency” has shown how much the nominations of vital phenomena of one linguoculture are urgent in the context of the other; it has also discovered the general, to a certain extent common social problems uniting the linguocultures under study, which is necessary for efficient intercultural communication. Based on the analysis of variability of the nominations in a transforming context, the author makes an attempt at linguistic prediction.*

KEYWORDS: *social context; linguistic consciousness; sociolinguistics; linguistic nominations; lexemes; lexical units; word of the year; new words; political discourse.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Iuzefovich Natal'ya Grigor'evna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of English, Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, Saint-Petersburg, Russia.*

FOR CITATION: *Iuzefovich, N. G. A Verbal Portrait of 2019 Through the Lens of 2020 / N. G. Iuzefovich // Political Linguistics. — 2020. — No 5 (83). — P. 40-47. — DOI 10.26170/pl20-05-04.*

REFERENCES

1. Demin, S. Protest against a Church in Ekaterinburg has become the loudest in a five-year period / S. Demin. — 2019. — 22 May. [Protest protiv khrama v Ekaterinburge stal samym «gromkim» za poslednie pyat' let / S. Demin. — Tekst : elektronnyy // URA.ru : informatsionnoe agentstvo. — 2019. — 22 maya]. — URL: <https://ura.news/news/1052384971> 2019 (date of access: 10.02.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)

2. Osadchy, M. Word of the year 2019 / M. Osadchy. [Slovo goda 2019 / M. Osadchy. — Tekst : elektronnyy // TASS : informatsionnoe agentstvo]. — URL: <https://tass.ru> (date of access: 10.02.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)

3. Aepstein, M. Word of the year 2019. The Results / M. Aepstein. — 2019. [Slovo goda 2019. Itogi / M. Epshteyn. — Tekst : elektronnyy // Snob. — 2019]. — URL: <https://snob.ru/profile/27356/blog/162528/> (date of access: 10.02.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)

4. Moreno-Fernández, F. A Framework for Cognitive Sociolinguistic / F. Moreno-Fernández. — New York : Routledge, 2016. — 254 p. — Text : unmediated.

5. Radio Svoboda Channel // Youtube. — URL: <http://bit.ly/2vQLCnh>. — Text. Video : electronic. — (In Rus.)

DICTIONARIES

6. The Russian Language Dictionary / ed. A. P. Evgenievna. — Moscow : Rus. lang., 1999. [Slovar' russkogo yazyka / pod red. A. P. Evgen'evoy. — Moskva : Rus. yaz., 1999]. — URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc-16/> (date of access: 10.02.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)

7. Collins Dictionary. — URL: <http://www.collinsdictionary.com/> (date of access: 11.02.2020). — Text : electronic.

8. Merriam-Webster Dictionary. — URL: <https://www.merriam-webster.com/> (date of access: 20.02.2020). — Text : electronic.

9. On-line Dictionary. — URL: <http://dictionary.com/> (date of access: 10.02.2020). — Text : electronic.